

Самое суетное время во дворце — и самое опасное. Этим вечером, когда в чертогах зажглись тысячи огней, ночное небо вдруг расколосось ослепительной вспышкой фейерверка.

Кон Цзяцзы невольно поднял глаза к небу.

— Слышишь? — негромко спросил стоящий рядом Му Юаньюн. — Бабах... Бабах... Бабах...

Три громовых раската эхом разнеслись над садом. И вдруг среди праздничных огней блеснул холодный белый луч. Прямо на глазах у онемевшей толпы из широкого рукава одной из танцовщиц вылетело тонкое лезвие. С коротким металлическим звоном нож вонзился в лакированный стол прямо перед императором.

Дворцовый покой мгновенно взорвался криками. Му Юаньюн, не теряя ни секунды, схватил Кон Цзяцзы за руку и увлек за собой под массивный стол. Чуть приподняв тяжелую парчовую скатерть, они принялись наблюдать за происходящим. Знатные господа и дамы, точно испуганные птицы, в панике метались из стороны в сторону, сталкиваясь лбами и роняя на ходу веера, кубки и украшения.

Императорские наложницы, напрочь забыв о благородных манерах и приличиях, бледные от ужаса, придерживали дрожащими руками сползающие золотые шпильки и бежали прочь, спасая собственные жизни.

— Убийцы! Охрана! — визгливо, срываясь на фальцет, заголосили евнухи.

С сухим лязгом гвардейцы выхватили из ножен клинки.

А в вышине все так же гремел праздничный салют. Огненные цветы распускались в темных небесах, равнодушные к царившему внизу хаосу, и осыпались сияющими искрами.

Му Юаньюн ухитрился прихватить откуда-то целое блюдо с крошечным печеньем из цветов османтуса. Улыбнувшись одними глазами, он сунул одно лакомство в рот Кон Цзяцзы.

— Красиво, правда?

Кон Цзяцзы растерянно моргнул, прожевал угощение и почувствовал на языке тонкий сладкий вкус.

Му Юаньюн бросил взгляд на правителя Великой Юн — самого могущественного человека в империи. Сейчас этот великий владыка в панике прятался за спинами перепуганных евнухов и, истерично размахивая руками, визжал: «Взять её! Схватить паршивку!»

Тринадцатый принц презрительно усмехнулся.

— Старая черепаха, — едва слышно прошептал он.

Кон Цзяцзы лишь вздохнул и, не найдя слов, заткнул принцу рот очередной сладостью.

И только Наставник-эльф 311 не разделял их олимпийского спокойствия. В панике он метался в сознании Кон Цзяцзы:

«Что делать?! Нам нужно бежать! А вдруг убийца доберется до нас? Почему вы вообще ждете эти сладости в такой момент?!»

Кон Цзяцзы проигнорировал стенания системы. Из своего укрытия он внимательно разглядывал великих мира сего. Большинство вельмож пребывали на грани безумия от страха. Несколько младших принцев в суматохе просто забыли; обделенные вниманием слуг, они горько плакали, пока растерянные евнухи наконец не подхватили их на руки и не унесли прочь. Впрочем, нашлись и те немногие, кто сохранил полное хладнокровие. Не выказывая ни капли паники, они неспешно поднялись со своих мест и чинно покинули зал вместе с остальным потоком.

Тем временем несостоявшаяся убийца не собиралась сдаваться. Увернувшись, она бросилась вперед, уложила на месте двоих гвардейцев и выпустила из рукава скрытый дротик. Тот со свистом пролетел у самого виска императора, срезав прядь волос. Перепуганный владыка тут же по-собачьи рухнул на пол, закрывая голову руками. Когда он осмелился поднять глаза, все уже было кончено — ослабевшую от ран женщину скрутила подоспевшая стража.

На этом безумие наконец прекратилось. Всех артистов, выступавших в тот злополучный вечер, подвергли жестоким пыткам и казнили без разбора. Из ворот дворца одна за другой тянулись телеги, груженные трупами. Казалось, сам воздух во внутреннем дворе пропитался тяжелым запахом свежей крови.

Дворец погрузился в глухое, томительное оцепенение. Слуги и евнухи ходили на цыпочках, боясь поднять глаза. Несколько высокопоставленных наложниц слегли в лихорадке от пережитого потрясения, а занятия в Императорской школе временно отменили. Разгневанный император рвал и метал, требуя во что бы то ни стало отыскать безумца, дерзнувшего подослать убийцу в самое сердце запретных покоев.

Вслед за этим покатилась волна наказаний — десятки слуг и придворных, так или иначе причастных к организации праздника, лишились голов или были забиты палками до смерти.

Кон Цзяцзы был еще мал, к тому же находился под крылом тринадцатого принца, поэтому беда обошла его стороной. И все же, замечая, как один за другим исчезают знакомые прежде лица слуг, он чувствовал, как к сердцу подступает леденящий душу холод.

В этих стенах достаточно одного неверного шага, чтобы твоя голова покатила по брусчатке.

— Каждые несколько лет во дворце пускают кровь, — тихо наставлял его Му Юаньюн. — И никогда не угадаешь, чья тень стоит за очередным покойником. Будь поближе ко мне, не броди в одиночку по переулкам и поменьше болтай с чужаками. Понял?

Кон Цзяцзы послушно кивнул, но не удержался от любопытства:

— А в прошлый раз... Ваше Высочество тоже через это проходил?

— Дела давно минувших дней, — покачал головой Му Юаньюн. — Помню лишь самые крупные потрясения. Вода здесь темна и глубока. Если бы я сам однажды не утонул в этом омуте, ни за что бы не поверил... — Он резко оборвал себя на полуслове. — Впрочем, не забивай себе голову. Я не собираюсь лезть в эту грязь. Но...

— Но?

— Но если кто-то решит сам напроситься на неприятности... — Принц замялся на мгновение. — Хотя я в последнее время тише воды, ниже травы, никого не трогаю. Не должно же мне так фатально не повезти.

Кон Цзяцзы лишь вздохнул, и на душе у него кошки заскребли.

Ведь пророчества Му Юаньюна имели скверное обыкновение сбываться с пугающей точностью.

Нападавшая отравилась на месте, не дав себя допросить. Однако любое преступление оставляет следы. Месяц кропотливых поисков и допросов принес свои плоды, и ниточки заговора потянулись туда, где никто не ожидал их найти — к затворнице глубокого гарема, вдовствующей императрице, давно удалившейся от мирских забот ради молитв и благовоний.

Вдовствующая императрица Кон Цинлянь была женщиной незаурядной судьбы. Выданная за покойного государя в нежном возрасте четырнадцати лет, она овдовела уже через несколько лет. Ей не исполнилось и двадцати, когда она осталась с пятилетним наследником на руках. Установив регентство, юная вдова крепко держала бразды правления Великой Юн больше десятилетия.

За эти годы хрупкая девушка превратилась в расчетливую, властную правительницу, отравленную ядом абсолютной власти. Расставаться с величием по доброй воле она не желала.

Однако законы империи не позволяли женщине взойти на драконий трон.

После долгих подковерных интриг и ожесточенной борьбы за власть род Кон был безжалостно вырезан до последнего человека, а саму императрицу заперли в стенах Дворца Чистого спокойствия, приговорив до конца дней замаливать грехи перед алтарем.

И надо же было такому случиться, что Кон Цзяцзы происходил именно из этого опального семейства. С самого начала он понимал, в какой опасности находится. Если те немногие, кто знал тайну его рождения, решат смолчать — ему повезет. Но если нет...

В памяти всплыло вечно улыбающееся лицо главного управляющего У. После горького опыта с Лю Чжаоси мальчик слишком хорошо понимал, какие грязные мысли блуждают в голове этого старого евнуха.

— Быть не может, — уверенно покачал головой Му Юаньюн, когда Кон Цзяцзы поделился своими страхами. — Императрица слишком умна, чтобы устраивать столь бессмысленное покушение. — Принц прищурился, воскрешая в памяти события прошлой жизни. — Помнится, даже когда старая черепаха испустила дух, матушка-императрица оставалась жива-здоровая. Если бы она сама не решила отойти от дел, мой путь к престолу вряд ли оказался бы таким гладким...

Откашлявшись, он добавил:

— Помяни мое слово, у старухи припрятан другой туз в рукаве.

Кон Цзяцзы не стал расспрашивать о финале той драмы, да и сам принц не спешил раскрывать все карты. По его словам, слишком точные предсказания будущего могли исказить реальность, лишая возможности трезво анализировать мелочи. Он лишь вскользь упомянул, что в его прошлой жизни главными героями этой истории оказались Му Юаньси и Девятый принц. Две императорские кумушки ухитрились вынюхать след, ведущий к одному из ключевых министров двора, хотя насколько правдивыми были те обвинения, никто до конца так и не узнал.

Но теперь история сделала крутой поворот. Му Юаньси и Девятый принц внезапно слегли с тяжелой простудой и уже месяц не появлялись на занятиях. Куда теперь повернет колесо судьбы, Му Юаньюн предсказать не решался.

А вот у Кон Цзяцзы созрел собственный план.

Пока весь дворец полнился паническими слухами, он впервые нарушил строгий запрет Му Юаньюна и в тайне покинул покои дворца Биюань.

«Ты действительно готов так рисковать?» — затрещал в голове голос Наставника-эльфа 311.

Мальчик промолчал.

Дворец Чистого спокойствия давно утратил былое величие. В его полутемных, пропахших благовониями залах обитали лишь несколько престарелых слуг, сохранивших верность опальной госпоже.

Один из старых евнухов бесшумно приблизился к молящейся женщине и что-то тихо прошептал ей на ухо.

Вдовствующая императрица на мгновение перестала перебирать четки. Из ее груди вырвался тихий вздох:

— Пусть войдет.

[Динь-дон! Поздравляем! Игрок активировал цепочку заданий Основного квеста 2: Дворцовые распри]

[Этап первый: Завоевать доверие вдовствующей императрицы]

[Описание задания: Поговаривают, почтенная госпожа питает слабость к юным и нежным созданиям. Поднажми, боец!]

<http://bllate.org/book/18226/1759152>